

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность
(код и наименование направления подготовки, специальности)

Оперативно-розыскная деятельность
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Система принципов уголовного судопроизводства»

Студент

А.А. Прокофьева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д-р юрид. наук, доцент, С.И. Вершинина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Аннотация

Уголовный процесс как специальный вид государственной деятельности осуществляется при строгом соблюдении правовых предписаний, содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако изначально определить все возможные отношения в сфере судопроизводства и закрепить их в правовых нормах не всегда возможно, в силу многозначительности данных отношений. Поэтому в законодательстве существует особая группа правовых предписаний, закрепляющая так называемые правовые принципы. Основная функция принципов – закрепить базовые, фундаментальные положения, которыми должен руководствоваться правоприменитель в своей деятельности при отсутствии специальной нормы права. Никакие другие нормы права не могут противоречить правовым принципам. А все принципы должны быть согласованы между собой.

До начала действия УПК РФ, вопрос о юридической природе принципов рассматривался двояко. Одни ученые считали, что принцип должен иметь правовое закрепление, другие – не рассматривали это как обязательный признак. Включение принципов в законодательство – важный шаг, который был сделан законодателем при принятии Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 года.

Цель данной дипломной работы – провести теоретико-правовой анализ системы уголовно-процессуальных принципов, содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Структурно дипломная работа состоит из следующих разделов: введения, двух глав, состоящих из пяти параграфов и заключения. Также представлен список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Принципы уголовного судопроизводства: понятие, виды и правовое толкование.....	7
1.1 Понятие и виды принципов уголовного судопроизводства	7
1.2 Правовое толкование принципов уголовного судопроизводства в российском и международном праве	15
Глава 2 Системный характер принципов уголовного судопроизводства	26
2.1 Право на защиту как принцип уголовного судопроизводства	26
2.2 Право на свободу и личную неприкосновенность как принцип уголовного судопроизводства	39
2.3 Принцип разумного срока уголовного судопроизводства.....	49
Заключение	66
Список используемой литературы и используемых источников.....	70

Введение

Актуальность темы дипломной работы. Уголовный процесс как специальный вид государственной деятельности осуществляется при строгом соблюдении правовых предписаний, содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако изначально определить все возможные отношения в сфере судопроизводства и закрепить их в правовых нормах не всегда возможно, в силу многозначительности данных отношений. Поэтому в законодательстве существует особая группа правовых предписаний, закрепляющая правовые принципы. Основная функция принципов – закрепить базовые, фундаментальные положения, которыми должен руководствоваться правоприменитель в своей деятельности при отсутствии специальной нормы права. Никакие другие нормы права не могут противоречить правовым принципам. А все принципы должны быть согласованы между собой.

До начала действия УПК РФ, вопрос о юридической природе принципов рассматривался двояко. Одни ученые считали, что принцип должен иметь правовое закрепление, другие – не рассматривали это как обязательный признак. Включение принципов в законодательство – важный шаг, который был сделан законодателем при принятии Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 года.

Вместе с тем, не всегда понятие и содержание принципов по российскому законодательству, тождественно понятию принципов в международном праве. Практика Европейского Суда по правам человека дает не мало примеров такого несоответствия. Отдельные принципы будут рассмотрены в данной дипломной работе.

Цель данной дипломной работы – провести теоретико-правовой анализ системы уголовно-процессуальных принципов, содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие и виды принципов уголовного судопроизводства;
- проанализировать виды толкования принципов в российском и международном праве;
- исследовать сущность и содержание принципа права на защиту обвиняемого и подозреваемого;
- исследовать сущность и содержание принципа права на свободу и личную неприкосновенность;
- рассмотреть принцип разумного срока судопроизводства и проанализировать проблемы его применения в практической деятельности.

Объект исследования - общественные отношения, возникающие в процессе осуществления процессуальных действий.

Предмет исследования - нормы Конституции РФ и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющие систему принципов уголовного судопроизводства, а также доктринальные источники, исследующие понятие, систему и отдельные виды принципов как научно-правовые категории и материалы судебной практики.

Методологическую основу исследования составляет комплекс методов научного познания. Формально-логические методы исследования позволили исследовать понятие и виды принципов как отдельные нормы уголовно-процессуального права. Применялся метод объективного и всестороннего анализа правового оформления принципов уголовного судопроизводства, содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Системный метод исследования позволил определить объективные связи между различными принципами уголовного судопроизводства и рассмотреть их как целостное правовое явление.

Нормативно-правовой базой исследования являются: Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс Российской Федерации и другие федеральные законы по теме выпускной квалификационной работы.

Теоретической базой исследования являются труды ученых теоретиков и процессуалистов Н.В. Азаренок, А.С. Барабаш, А.А. Брестер, Л.М. Володиной, А.А. Демичева, В.И. Зажицкого, А.П. Кругликова, В.Н. Курченко, Ю.В. Малышевой, Н.С. Мановой, О.В. Мичуриной, В.В. Николюк, Г.К. Смирнова, А.А. Трефилова и др.

При подготовке дипломной работы изучено более 50 судебных решений по конкретным уголовным делам, размещенные на официальных сайтах судебных органов, а также постановления Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и решения Европейского Суда по правам человека.

Структурно дипломная работа состоит из следующих разделов: введения, двух глав, состоящих из пяти параграфов и заключения. Также представлен список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Принципы уголовного судопроизводства: понятие, виды и правовое толкование

1.1 Понятие и виды принципов уголовного судопроизводства

В российском уголовно-процессуальном законодательстве существует особая группа правовых предписаний, закрепляющая базовые, фундаментальные положения, которыми руководствуется правоприменитель в своей деятельности при отсутствии специальных норм права. Эти положения получили название «принципы уголовного судопроизводства». Другие нормы права не могут противоречить правовым принципам. Они производны от принципов и детализируют базовые положения, содержащиеся в принципах. Несмотря на значительное количество принципов, закрепленных в действующем законодательстве, все они согласованы между собой и дополняют друг друга.

До начала действия УПК РФ, вопрос о юридической природе принципов рассматривался неоднозначно. Одни ученые считали, что принципы должны иметь правовое закрепление и выражаться нормами права [12; 16]. Другие ученые не рассматривали нормативность как обязательный признак [4]. Такие подходы имеют исторические корни и выходят за пределы российского государства. Например, Уголовно-процессуальные кодексы Германии (1877 г.) и Франции (1958 г.) не содержат отдельных глав с принципами. Относительно немецкого закона отсутствие отдельной главы можно объяснить датой принятия данного кодекса, а для французского законодателя эта причина не применяется. Объяснение в следующем: многие важные положения, которые в российском законодательстве рассматриваются в качестве принципов судопроизводства, изложены в декларации прав человека и гражданина, являющейся неотъемлемой частью действующей Конституции Франции. Аналогичная ситуация в УПК большинства кантонов Швейцарии, хотя в семи швейцарских кантонах

Швейцарии используется иной подход, характеризуемый нормативным закреплением разработанных наукой принципов уголовного судопроизводства [36, с. 171]. Последний способ стал применяться в большинстве постсоветских стран в конце XX века.

Важный момент в понимании принципов связан с установлением содержания такой категории как «начало». Начало уголовного процесса связывают с базовыми положениями, определяющими общую конструкцию этой деятельности, ее государственный, публичный или смешанный, частно-публичный характер. По мнению А.А. Брестера, «начало – нечто большее, чем принцип; начала определяют систему принципов и устанавливают баланс между ними» [6, с. 171].

Вместе с тем, практически все авторы склоняются к тому, что принципы уголовного судопроизводства вместе с его назначением составляют нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности (7)

Включение принципов в законодательство – важный шаг, который был сделан законодателем при принятии Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 года. Этот шаг поставил все точки в этом вопросе. Сегодня в качестве правового принципа может рассматриваться положение, которое на уровне закона обозначено в качестве такового. В Уголовно-процессуальном законодательстве принципам посвящена глава 2, которая так и называется «Принципы уголовного судопроизводства». Значение принципов трудно переоценить. Оно заключается в том, что посредством принципов выражается сущность уголовного процесса, его направленность и характер. В своей совокупности принципы служат гарантией осуществления правосудия.

Однако до сих пор ведутся дискуссии относительно того, все ли статьи главы 2 УПК РФ можно рассматривать в качестве принципов [10]. В частности, споры вызывает статья 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», которая помещена в главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства». На основании этого некоторые ученые делают вывод, что назначение является одним из принципов уголовного судопроизводства [8],

что вряд ли правильно. Полагаем, правы те авторы, которые считают, что данная статья должна быть исключена из главы 2 УПК РФ, так как определяет миссию, назначение уголовного судопроизводства, а не его принципы [2]. Также следует закрепить цели уголовного судопроизводства, что в действующем законодательстве отсутствует.

Вместе с тем в процессуальной науке существует мнение, что законодатель закрепляет цели судопроизводства через его назначение. Так, Л.М. Володина считает, что «законодатель не случайно для обозначения цели уголовного судопроизводства, выбрал термин «назначение». Термины «назначение» и «цель» располагаются в одном лексическом ряду, хотя и не совпадают в полной мере. Однако в уголовном судопроизводстве предназначение и цель судопроизводства едины, и законодатель, - по ее мнению, - уловив и отразив это единство и избрав термин «назначение», более четко определил тем самым и сущность уголовного процесса» [7].

В уголовно-процессуальной науке представлен многочисленное количество определений принципов уголовного судопроизводства. Однако все эти определения объединяет общий признак, признаваемый всеми учеными: принципы рассматриваются как базовые, исходные положения, основа, фундаментальная конструкция, на которой базируется и располагается уголовно-процессуальная деятельность всех участников судопроизводства. На основе принципов происходит формирование процессуальной деятельности и ее функционирование на всех стадиях судопроизводства.

Уголовно-процессуальная наука выработала следующее определение принципов, признаваемое большинством ученых: принципы уголовного процесса это отраженные или закрепленные в уголовно-процессуальных нормах базовые положения, обуславливающие характер, содержание и структуру судопроизводства, влияющие на определение объема прав и свобод субъектов уголовно-процессуальных отношений». С учетом происходящей глобализации, понятие принципов было скорректировано и

внесены определенные дополнения, что привело к следующему пониманию принципов: «обусловленные общепризнанными принципами и нормами международного права, законодательно закрепленные наиболее значимые положения системно образующего характера, выражающие демократическую и гуманистическую сущность российского уголовного процесса, определяющие построение всех его институтов и обеспечивающие достижение целей и задач, стоящих перед уголовным судопроизводством» [17, с. 568].

Принципы нельзя рассматривать как нечто застывшее, стабильное, неподдающееся изменениям. Наоборот, принципы это постоянно изменяющиеся правовые положения. Динамизм принципов хорошо раскрыт в авторском определении, данном Л.М. Володиной: «современные принципы уголовного судопроизводства представляют собой положения, закрепляющие виды социальных ценностей, сформированных в процессе длительного развития уголовно-процессуальных процедур, закрепленных в национальных конституциях, что определяет их особую значимость» [7, с. 18].

Говоря о понятии принципов, следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство должно оперировать ясными, однозначными понятиями, в том числе применительно к принципам судопроизводства. Разногласия ученых в определении понятия принципа как правовой категории не способствуют единому пониманию и применению этих базовых предписаний в действующем законодательстве. Очевидно, что первоначально уголовно-процессуальная наука должна разработать соответствующий инструментарий и предоставить его законодателю для формирования правовых норм. Нельзя подменять задачи процессуальной науки и законодателя. Именно поэтому не можем согласиться с Н.С. Мановой и М.А. Барановой, которые пишут, что действующий уголовно-процессуальный закон «не раскрывает понятия принципа уголовного судопроизводства, не указывает и на те качества, свойства, которыми должна обладать данная категория. Взгляды же ученых на философскую и

социальную природу принципов уголовного процесса всегда были и остаются достаточно субъективными и в силу этого многообразными» [17, с. 567]

Как уже отмечалось нормативное положение можно рассматривать в качестве принципа, если его действие распространяется на все стадии уголовного судопроизводства. Однако отмечается определенная специфика действия отдельных принципов на разных стадиях уголовного процесса. Например, такой принцип как принцип охраны прав участников судопроизводства в большей степени проявляется при производстве предварительного расследования, т.е. в досудебном производстве по уголовному делу. С другой стороны, принцип состязательности сторон в полной мере проявляется в судебном производстве [9], в рамках которого стороны действуют на условиях равноправия и состязательности.

В главе второй УПК РФ содержится шестнадцать статей, пятнадцать из которых закрепляют принципы уголовного судопроизводства. Прежде всего принцип – это правовое, а для уголовного процесса, законодательное положение, содержащее законченное смысловое выражение. При характеристике правовых принципов в качестве обязательных свойств выделяют определенные свойства. Каждый принцип должен соответствовать следующим свойствам:

- свойство нормативности, предусматривающее обязательное закрепление положения в правовой норме;
- аксиоматичность, свойство, показывающее верховенство принципа среди других правовых норм; все остальные нормы производны и подчиняются принципу;
- нерушимость, это свойство которое требует обязательного соблюдения принципа; при несоблюдении принципа все процессуальные действия и решения теряют юридическую силу и подлежат отмене;

- регулятивность, свойство принципа показывающее его направленность, адресат действия; принципы, всегда направлены на регулирование поведения участников процесса, они не могут быть декларативными.

Следовательно, вне права, вне закона нет принципов. Принцип не может выводиться из смысла закона, он должен быть четко и недвусмысленно закреплен в статье закона. С другой стороны, в УПК должны содержаться положения, устанавливающие приоритет принципов над остальными нормами права и обязательность их соблюдения.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепил все принципы уголовного судопроизводства в одной главе. В предыдущих законодательных актах такой систематизации принципов не было. Вместе с тем в уголовно-процессуальной науке ведутся дискуссии относительно того, является ли данная система принципов завершенной, либо имеются еще принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в других законодательных актах. Основная причина дискуссии связана с существованием так называемых конституционных принципов судопроизводства, часть из которых закрепляется УПК РФ, а другая часть – не закрепляется. Кроме того, законодатель выделяет ряд положений, которые в законе в двух главах УПК РФ обозначены как «общие условия» [18]. Мы полагаем, что определение системы принципов уголовного судопроизводства следует делать опираясь на ст.2 УПК РФ. Соответственно в систему принципов следует включать как конституционные принципы судопроизводства, так и принципы, содержащиеся во второй главе УПК РФ, а также принципы получившие двойное закрепление – в Конституции РФ и УПК РФ. На этом основании мы приходим к выводу, что целесообразно выделять три группы принципов уголовного судопроизводства, различаемых по форме их закрепления.

В первую группу следует включить принципы, закрепленные только в Конституции РФ. Речь идет о таких положениях, как тайна частной жизни,

гласность, недопустимость повторного осуждения, использование недопустимых доказательств. Хотя гласность как правовое положение нашло свое закрепление в ст.241 УПК РФ, считать это положение принципом крайне сложно, так как его действие ограничивается исключительно судебным производством.

Ко второй группе принципов следует отнести принципы, закрепленные как в Конституции РФ, так и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Имея двойное правовое закрепление указанные принципы получили наибольшее правовое регулирование.

Третью группу составляют принципы, получившие закрепление исключительно в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ, во второй главе. Это такие принципы, как свобода оценки доказательств и публичность. Принцип свободы оценки доказательств закреплен в статье 17 УПК РФ. Принцип публичности также получил свое закрепление в статьях УПК РФ, но не в главе второй, а в статье 21 главы третьей УПК РФ.

Помимо формы закрепления, можно рассматривать процессуальные принципы по их содержанию, выделяя группы принципов, регулирующих те или иные вопросы. Например, принципы, определяющие основы уголовного судопроизводства; принципы, определяющие порядок уголовного судопроизводства; и принципы, определяющие уголовно-процессуальный статус участников уголовного судопроизводства.

Занимаясь исследования по обозначенной тематике, ученые высказывают предложения о необходимости дополнительного включения ряда положений в качестве правовых принципов уголовного судопроизводства. Особенно речь идет о положениях, которые исключены из действующей системы принципов. Так, отдельные ученые считают, что система принципов уголовного судопроизводства должна быть дополнена за счет включения в нее отдельных положений из главы 35 «Общие условия судебного разбирательства». Речь идет о таких положениях, как непосредственность и гласность судебного разбирательства; всесторонность,

полнота и объективность исследования уголовного дела; обязательное участие обвинителя; пределы судебного разбирательства и другие. Как полагает Ю.В. Шелегов, «не включение принципа всесторонности в число декларируемых принципов уголовного судопроизводства не отменяет требования всесторонности, которое прослеживается в ряде статей УПК РФ» [39, с. 315].

Учитывая многочисленность принципов уголовного судопроизводства, мы присоединяемся к ученым, считающим что принципы следует систематизировать на три группы ориентируясь на их содержание.

В первую группу принципов следует включать положения, обуславливающие общие основы организации уголовного судопроизводства. Это базовые принципы: осуществление правосудия только судом, неприкосновенность судей и несменяемость судей, осуществление правосудия на основе гласности, состязательности сторон и равноправия. Указанные принципы определяют всю процессуальную деятельность на всех стадиях судопроизводства.

Вторая группа принципов регулирует более конкретные отношения, возникающие при производстве по уголовному делу. Их основная задача – обеспечивать порядок уголовного судопроизводства. В эту группу следует включить следующие принципы: запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона, т.е. так называемых недопустимых доказательств [35]; определение бремени доказывания; освобождение обвиняемого от доказывания своей невиновности; ограничение обвиняемого в свободе на срок свыше 48 часов только по судебному решению; обеспечение правила о подсудности; невозможность повторного осуждения лица.

В третью группу принципов следует включить принципы, определяющие процессуальный статус участников уголовного судопроизводства. В первую очередь речь идет о принципах, определяющих процессуальный статус обвиняемого и подозреваемого. Не меньшее значение

отводится принципам, определяющим процессуальный статус потерпевшего и свидетеля. Например, принцип закрепляющий право свидетеля не свидетельствовать против самого себя, своих родственников и близких лиц.

Таким образом, несмотря на постоянное внимание ученых к принципам уголовного судопроизводства, эта дефиниция все еще остается мало изученной. Полагаем, что теоретическое обоснование понятия, содержания и видов принципов уголовного судопроизводства должно быть исследовано и представлено уголовно-процессуальной наукой. В уголовно-процессуальном законодательстве не должны содержаться теоретические дефиниции: понятие, свойства и иные качества принципов. Закон на основе разработанных наукой результатов, должен лишь закреплять четкий перечень положений - принципов, составляющих основу процессуальной деятельности, не допуская их двойного толкования.

1.2 Правовое толкование принципов уголовного судопроизводства в российском и международном праве

Официальное толкование правовых положений, в том числе принципов уголовного судопроизводства, представлено в отраслевых законодательных актах. В таком понимании эти положения подлежат непосредственному применению в процессуальной деятельности. Наряду с официальным толкованием, уголовно-процессуальная наука оперирует доктринальным толкованием тех или иных категорий. Как правило доктринальное толкование имеет субъективный характер и до признания его законодателем не может применяться в правовой деятельности. Доктринальное толкование принципов уголовного судопроизводства рассмотрено в предыдущем параграфе. Также можно выделить судебное толкование основных положений, представленное в актах высших судебных органов. Учитывая значимость решений высших судов, по своей силе такое толкование

приравнивается к официальному толкованию и берется за основу всеми правоприменителями.

Заслуживает внимания судебное толкование принципов уголовного судопроизводства, данное Европейским Судом по правам человека. Так, рассматривая соблюдение Российской Федерацией принципа на справедливое судебное разбирательство по жалобе «Борисов против Российской Федерации», ЕСПЧ указал, что при определении того, было ли судебное разбирательство справедливым в целом, необходимо также учитывать, было ли соблюдено право подсудимого на защиту. «В частности, необходимо установить, имел ли заявитель возможность оспорить правомерность такого доказательства и возражать против его использования. Кроме того, необходимо принять во внимание качество доказательств, включая тот факт, ставят ли обстоятельства, в которых такие доказательства были получены, под сомнение их достоверность или точность. Действительно, когда достоверность доказательств оспаривается, наличие справедливого порядка рассмотрения приемлемости таких доказательств имеет еще большее значение» [27].

Несколько по иному Европейский Суд по правам человека понимает и принцип состязательности. Рассматривая жалобу Проскурникова против Российской Федерации, ЕСПЧ указал, что «основополагающим аспектом права на справедливое судебное разбирательство является то, что уголовное судопроизводство должно быть состязательным; должно быть равноправие сторон обвинения и защиты, что требует «справедливого баланса» между ними: каждой стороне должна быть предоставлена достаточная возможность изложить свою позицию на условиях, которые не ставят их в невыгодное положение по сравнению с противной стороной..» [27]. Суть дела заключается в том, что суд первой инстанции отказался назначить независимого судебного эксперта и опирался на заключение сотрудника милиции, который ранее принимал участие в аудиторской проверке, приведшей к вынесению заявителю обвинительного приговора. ЕСПЧ

отметил, что «заключение судебной экспертизы, подготовленное подполковником милиции К., непосредственно касалось состава преступления, в котором обвинялся заявитель. Эксперт должен был определить ущерб, причиненный якобы несанкционированным использованием заявителем средств государственного бюджета. Выводы К. были использованы судом первой инстанции при вынесении обвинительного приговора по делу заявителя. Апелляционный суд также сослался на эти выводы, оставив обвинительный приговор заявителя в силе.

Суд отклонил довод властей о том, что заключение не имело решающего значения при вынесении обвинительного приговора, и приступил к рассмотрению вопроса о том, находился ли заявитель в равных условиях со стороной обвинения в соответствии с принципом равноправия сторон. Изучив представленные сторонами материалы, Суд счел, что в настоящем деле принцип равноправия сторон не был соблюден. По его мнению, сомнения заявителя в беспристрастности К. были объективно оправданы» [27].

Прежде чем перейти к рассмотрению общепризнанного доктринального толкования принципов российского уголовного судопроизводства, остановимся на изучении и анализе данного института по законодательству зарубежных стран, например, Швейцарии. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в Швейцарии «категория «принципы» рассматривается как научная, в связи с чем законодатель ее сознательно избегает», обозначая принципы в качестве «основных положений уголовно-процессуального права» [36, с. 172]. В таком качестве в УПК Швейцарии нашли закрепление основные положения, которые отсутствуют в законодательстве других стран, в том числе в России. Это требование о добросовестности участников, предусматривающее, в том числе запрет на злоупотребление правом; обязательность уголовного преследования; независимость органов уголовного судопроизводства; принцип следствия и принцип обвинения; запрет на повторное уголовное преследование за одно и

то же преступление. С другой стороны, швейцарское уголовно-процессуальное законодательство не закрепляет такие принципы, как состязательность, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, охрану прав и свобод человека, тайну частной жизни и переписки, а также право на защиту. Как указывает А.А. Трефилов, в Швейцарии отрицается принцип состязательности, а остальные принципы поглощаются общими началами уголовного судопроизводства [36, с. 173].

Взяв за основу данные аспекты, остановимся на понимании основных положений по швейцарскому законодательству, и в целом на «нормативном фундаменте уголовного судопроизводства» Швейцарии, состоящем из «трех несущих столпов»: Первый - заключается в том, что только легитимно избранный парламент вправе устанавливать уголовно-правовые запреты и наказание за их нарушение. Второй столп раскрывается через пропорциональность или соразмерность применения уголовно-правовых мер, при условии, что они применяются только в качестве крайней меры. Третий столп предусматривает обеспечение уголовного судопроизводства в целях установления истины и применения материального права исключительно в порядке надлежащей юридической процедуры.

Исходя из этого «фундамента» можно вывести понимание законности процессуальной деятельности в швейцарском судопроизводстве. По УПК Швейцарии законность понимается как единство трех компонентов: 1) законность судостроительства, 2) законность судопроизводства; 3) правильное применение норм общей части уголовного закона. «Эта триада держится на государственной монополии на применение принуждения, даже по делам частного обвинения. Еще важный момент в понимании данного принципа заключается в том, что государственные органы вправе действовать исключительно в рамках предусмотренных процедур, которые не требуют от них «достижения истины любой ценой» [36, с. 172].

Рассмотренное толкование не совпадает с содержанием принципа законности по российскому законодательству, который учитывает

иерархичность законодательных актов и ориентирует участников судопроизводства исполнять обращенные к ним требования и указания должностных лиц. В частности, российский законодатель раскрывая принцип законности делает акцент на запрете применения правового акта, противоречащего УПК РФ. Полагаем, что такой подход не является конструктивным и должен быть изменен, так как очевидно, что принимаемые законодательным органом правовые нормы не должны противоречить друг другу. Также очевидно, что режим законности должен распространяться на всех участников уголовного судопроизводства, в том числе на должностных лиц и органы, осуществляющие производство по уголовному делу.

Следующий принцип – принцип публичности. По российскому законодательству принцип публичности раскрывается как обязанность государства возбудить уголовное преследование, установить виновное лицо и привлечь его к ответственности. Из этого принципа есть исключения, связанные с совершением преступлений частного и частно-публичного обвинения, а следовательно наряду с принципом публичности должны действовать принципы, обуславливающие параллельные процедуры для частного обвинения. При определении содержания принципа публичности российский законодатель исходит из различий в определении инициатора возбуждения уголовного дела и по порядку прекращения уголовного преследования. Несмотря на существенное расширение в УПК РФ перечня дел частно-публичного обвинения, предусмотренного Федеральным законом от 27.12.2018 г. № 533, эта категория уголовных дел остается мало востребованной. Процедура рассмотрения уголовных дел частно-публичного обвинения также вызывает много вопросов относительно целесообразности применения публичных институтов при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и прекращении уголовного преследования. Для швейцарского законодательства известны только две категории уголовных дел: публичного и частного обвинения. Причем последняя категория включает значительный перечень преступлений против личности и

экономических преступлений, совершенных в отношении близких или знакомых лиц. Для дел частного обвинения правом на возбуждение обладает только потерпевший или его представитель. Что касается прекращения уголовного преследования, то данная процедура никак не связана с порядком возбуждения уголовного дела.

Отдельного внимания заслуживает российский принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), который в швейцарском законодательстве обозначен на конституционном уровне как уважение человеческого достоинства и требование справедливости. В уголовно-процессуальном законодательстве этот конституционный принцип не дублируется, так как его соблюдение подразумевается как совершенно очевидное требование. Это требование возлагает на государственные органы на всех стадиях уголовного судопроизводства уважать достоинство участников и учитывать их веру и религию, обращаться на основе равноправия и справедливости, предоставлять право на судебные слушания и не допускать методы, унижающие человеческое достоинство при собирании доказательств. Так, для швейцарского правосудия очевидно, что применение принуждения к обвиняемому при взятии образцов для сравнительного исследования, является недопустимым, что вызывает потерю доказательств. В этом суд усматривает нарушение человеческого достоинства со всеми вытекающими последствиями.

Для иллюстрации этих положений обратимся также к решению Европейского суда по правам человека от 7 февраля 2006 г. «Скавуццо-Хагер против Швейцарии», вынесенному по жалобе на действия швейцарской полиции. «Из фабулы следует, что гражданин скончался три дня спустя после того, как его арестовали два сотрудника полиции. В момент ареста человек находился в крайне взбудораженном состоянии. Когда его усадили в полицейский автомобиль, он впал в истерику, выскочил наружу, яростно сопротивлялся, но был схвачен полицейскими, а затем потерял сознание. На место происшествия быстро прибыли реаниматологи, которым удалось

привести его в чувства, но по пути в больницу он вновь потерял сознание и больше не приходил в него. Швейцарский прокурор отказал в открытии производства по делу. ЕСПЧ усмотрел в этом нарушение п. 1 ст. 2 Европейской конвенции по правам человека, указав, что власти приняли данное решение на основании лишь того, что степень наркотической интоксикации потерпевшего в любом случае привела бы к его смерти; при этом они даже не поставили перед экспертами вопрос, могла ли сила, примененная сотрудниками полиции (хотя и не смертоносная сама по себе), тем не менее, причинить или по меньшей мере ускорить смерть потерпевшего. Не установлен полностью и точный способ, использованный для пресечения действий потерпевшего, включая то, как полицейские прижали подозреваемого к земле, и применялись ли наручники. Наконец, компетентные органы обвинения должны были задаться вопросом, могли ли знать полицейские о физически беспомощном состоянии подозреваемого. Родственникам умершего присудили компенсацию в размере 12 тыс. евро» [36, с. 178].

Рассматривая швейцарское законодательство нельзя не остановиться на положении, которое имеет существенное значение для развития современного уголовного судопроизводства других государств, в том числе России. Речь идет о запрете на злоупотреблении правом, которое получило прямое закрепление в УПК Швейцарии. При этом данная норма не имеет декларативного характера. Она предусматривает наступление самых негативных последствий, вплоть до утраты или ограничения отдельных процессуальных прав. Для российского законодательства это положение еще не известно, хотя в практике Верховного Суда РФ оно уже обозначилось. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30.06.2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», Верховный суд указал на право суда не признавать нарушенным право на защиту, если его нарушение связано с «явно не добросовестным использованием в ущерб интересам других

участников уголовного процесса» [30]. При имплементации данной нормы в российский УПК следует учитывать, что запрет на злоупотребление правом должен распространяться не только на защитника и вовлеченных участников, но также предусматривать запрет на злоупотребление усмотрением для должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу.

Принцип независимости также имеет различное толкование по УПК Швейцарии и УПК РФ. Конституция РФ закрепляет независимость суда. В 2013 году в УПК РФ введена статья 8.1 «Независимость судей», которая также декларирует независимость судей и подчинение их только закону. В Швейцарии конституция также закрепляет независимость суда. Однако УПК Швейцарии расширяет это положение и закрепляет независимость всех органов уголовного судопроизводства, понимая под ними прокуратуру, государственные экспертные организации и иные органы юстиции, вступающие в процессуальные отношения. Полагаем что для российского законодательства можно использовать данный подход и закрепить процессуальную независимость всех должностных лиц, участвующих в производстве по уголовному делу. Тем более что для прокурора и следователя это положение практически легализовано в ст. 37 и ст. 38 УПК РФ. Признав независимость должностного лица в принятии возложенных на него решений, законодатель сможет по-новому регламентировать отношения между такими субъектами, как следователь и руководитель следственного органа; следователь и прокурор. Отдельно хотим остановиться на «внепроцессуальных обращениях» поступивших судьям. Полагаем что данная норма имеет чисто декларативный характер и не несет практической направленности. И хотя у нас нет официальной статистики по применению ч. 3 ст. 8.1 УПК РФ в части «внепроцессуальных обращений», трудно представить, что такие обращения имеют массовый характер и действительно являются препятствием для коррупционных действий. Тем более выглядит нелепым указание на то, что такие внепроцессуальные

обращения «не являются основанием для проведения процессуальных действий или принятия процессуальных решений по уголовным делам».

Еще один принцип, признаваемый европейскими государствами, гарантирует ускоренное производство или разумные сроки судопроизводства. В УПК РФ в 2010 году была добавлена ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства». С этого момента и до настоящего времени в эту статью, практически каждый год вносились изменения и дополнения, однако и сейчас она далеко не совершенна. Сравнивая российский принцип разумных сроков с требованием ускорения, предусмотренным швейцарским УПК можно отметить различный подход законодателя. Так, швейцарский кодекс используя термин «соразмерные сроки», исходит из тождественности волокиты и отказа от правосудия, ориентируя правоприменителя на ускорение процессуальной деятельности. При этом целью ускорения является ограждение обвиняемого от излишнего отягощения уголовным судопроизводством, особенно если обвиняемый находится под стражей. Эти требования нашли конкретное закрепление в тексте закона, с указанием на обязанность органов судопроизводства вести в первую очередь производство по делам, по которым лицо содержится под стражей. Полагаем что закрепление в УПК РФ требования об ускорении судопроизводства по делам обвиняемых, содержащихся под стражей, сделало бы процесс более гуманным и цивилизованным.

Далее мы хотим остановиться на положении, которое так и не получило своего закрепления в УПК Российской Федерации в качестве правового принципа. Речь идет об установлении истины в уголовном судопроизводстве. Игнорирование законодателем этого вопроса породило другие проблемы юридического характера. В частности, до сих пор остается не решенным вопрос о роли органов расследования в осуществлении правосудия, о выполнении ими процессуальных функций; о месте и роли прокурора в различных стадиях уголовного судопроизводства и т.д. Попытки исправить ситуацию были, например подготовка отдельными

представителями Следственного Комитета России проекта федерального закона «Об объективной истине в уголовном судопроизводстве» [35]. Однако эти попытки не увенчались успехом, так как решение этого вопроса требует системных изменений законодательства.

Для швейцарского судопроизводства первостепенное значение имеет положение о следственном начале (принцип следствия), которое понимается как возложение на органы досудебного производства – прокуратуру и полицию, обязанности осуществлять следствие, т.е. устанавливать материальную истину по расследуемому событию преступления. При этом эти органы не связаны функцией обвинения или защиты. Они обязаны собирать любые доказательства, при помощи которых будут установлены объективные обстоятельства произошедшего события. Что касается принципа состязательности, то в досудебном швейцарском судопроизводстве этот принцип не действует. Как видно, происходит слияние двух основных положений швейцарского судопроизводства: принцип следствия и принцип истины. Не случайно, в первоначальной редакции проекта УПК Швейцарии, статья 6, содержащая данный принцип называлась не «принцип следствия», а «принцип материальной истины» [41].

Принцип следствия в швейцарском законодательстве тесно связан с другим принципом – принципом обвинения. Так, чтобы уголовное дело стало предметом судебного рассмотрения необходимо, чтобы прокуратура в компетентном суде выдвинула обвинение против конкретного лица, с указанием точно описанных фактов. Содержание принципа обвинения включает четыре базовых понятия: «1) обвинитель не должен разрешать дело по существу; 2) предмет судебного разбирательства должен быть ясно определен в обвинительном заключении; 3) обвинение не может произвольно изменяться в ходе судебного процесса; 4) обвиняемому должны разъяснить в чем его обвиняют» [41].

Таким образом, закрепляемые УПК РФ принципы уголовного судопроизводства по своему содержанию не всегда совпадают с толкованием

данных принципов в законодательстве других стран и в международных актах. Российский законодатель формирует собственную доктрину понимания принципов уголовного судопроизводства, которая учитывает исторические и этнические особенности, влияющие на данный институт в процессе его развития.

Глава 2 Системный характер принципов уголовного судопроизводства

2.1 Право на защиту как принцип уголовного судопроизводства

Статья 16 УПК РФ гарантирует каждому обвиняемому, подозреваемому право на защиту от предъявленного обвинения или подозрения. В юридическом смысле это не только право, это один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, действующие в ходе всего процесса. Соответственно, правом на защиту обладают не только обвиняемые и подозреваемые, но и иные лица, в отношении которых ведутся какие-либо процессуальные действия. Полный перечень указанных лиц содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30.06.2015 г. [30] и включает в себя:

- лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ;
- подозреваемый;
- обвиняемый;
- подсудимый;
- осужденный;
- оправданный;
- лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера;
- несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия;
- лицо, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено;
- лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче;

- а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица.

Право на защиту может быть реализовано лично или при помощи защитника. Обвиняемый обладает этим правом в полном объеме в течение всего производства по уголовному делу. Однако содержание права на защиту обусловлено особенностями процессуальной стадии, на которой оно реализуется. Например в стадии возбуждения уголовного дела, лицо в отношении которого проводится доследственная проверка, также имеет право на защиту, но его содержание существенно отличается от содержания права на защиту обвиняемого при производстве предварительного следствия.

Право на защиту предоставляется не только вменяемым лицам. Это право присуще и лицам, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Распространяя международно-правовые нормы о праве каждого быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или при помощи выбранного им защитника, Конституционный Суд РФ в своих постановлениях сформировал правовую позицию применительно к лицам, страдающим психическими заболеваниями. Эта позиция заключается в признании за психически больными лицами прав на осуществление всех признанных международными нормами гражданских, политических и иных прав и исключает какую-либо дискриминацию по признаку наличия заболевания. В документах международных организаций прямо предусмотрено, «чтобы судебные решения не принимались только на основании медицинских заключений, а пациенту с психическим заболеванием, как и любому другому лицу, было обеспечено право быть выслушанным и чтобы в случаях предполагаемого правонарушения в течение всего разбирательства присутствовал адвокат; лица с психическими расстройствами должны иметь возможность

осуществлять все свои гражданские и политические права, а любые их ограничения допускаются строго в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица психического заболевания» [32].

Реализация права на защиту в судебном производстве осуществляется прежде всего посредством участия подсудимого в судебном заседании. Суд обязан создать условия для реализации подсудимым этого права, независимо от того, на какой инстанции рассматривается уголовное дело. В качестве примера рассмотрим уголовное дело по обвинению П., который 31 июля 2018 года был осужден судом первой инстанции по п. «а» ч. 3 ст.158 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 6 ноября 2018 г. приговор изменен в части назначенного осужденному наказания. Постановлением президиума Краснодарского краевого суда от 18 сентября 2019 г. приговор и апелляционное определение изменены, из мотивировочной части приговора исключено указание на квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба потерпевшей», а назначенное осужденному наказание смягчено. В кассационной жалобе осужденный обращал внимание на то, что суд кассационной инстанции рассмотрел дело в его отсутствие, несмотря на заявленное им ходатайство об участии в судебном заседании.

Как было установлено, «из имеющейся в материалах уголовного дела расписки осужденного следует, что он изъявил желание участвовать в судебном заседании суда кассационной инстанции. При этом данная расписка была получена Краснодарским краевым судом 17 сентября 2019 г., то есть накануне заседания суда кассационной инстанции. Однако, несмотря на ходатайство осужденного об участии в судебном заседании, суд кассационной инстанции рассмотрел уголовное дело в отсутствие П., лишив его возможности довести свою позицию до сведения суда, чем нарушил его право на защиту» [21].

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума Краснодарского краевого суда и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции по следующим основаниям: в соответствии с п. 16 ч. 4 и ч. 5 ст. 47 УПК РФ осужденный вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в суде кассационной инстанции. Участие в уголовном деле защитника обвиняемого не служит основанием для ограничения какого-либо его права [21].

Предоставляя обвиняемому (подсудимому) право на участие в судебном заседании, закон возлагает на суд обязанность разъяснить подсудимому порядок заявления ходатайства об участии в судебном заседании или о рассмотрении дела в его отсутствие. Если суд не разъяснил осужденному обозначенный порядок, то это рассматривается как нарушение его права на защиту, в том числе и в тех случаях, когда осужденному разъяснялось его право на участие в судебном заседании. Как видно, судебная практика исходит из того, что осужденный должен не только осознавать свое право на участие, но и понимать каким образом это право может быть реализовано, то есть быть ознакомленным с порядком заявления ходатайств. К такому выводу пришла Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ при рассмотрении уголовного дела по обвинению С., который приговором суда первой инстанции осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ.

Постановлением президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 12 сентября 2018 г. С. освобожден от назначенного наказания по приговору от 18 марта 2015 г. на основании пп. 4 и 12 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» со снятием судимости. Этим же постановлением приняты решения об изменении приговоров от 28 июля 2016 г. и 6 апреля 2017 г., в том числе в части

назначенного С. наказания. В кассационной жалобе осужденный просил отменить постановление президиума, поскольку он не принимал участия в заседании суда кассационной инстанции, так как ему это право не разъяснялось.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в Шестой кассационный суд общей юрисдикции по следующим основаниям. Согласно ч. 2 ст. 40113 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела по кассационной жалобе участников процесса осужденный, отбывающий наказание в виде лишения свободы, вправе принимать участие в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи при условии заявления им ходатайства об этом, которое может быть заявлено в кассационной жалобе либо в течение трех суток со дня получения им извещения о дате, времени и месте заседания суда кассационной инстанции.

В материалах уголовного дела содержится информация о том, что Президиум Верховного Суда Республики Башкортостан принимая решение о рассмотрении жалобы в кассационном порядке, в условиях отсутствия пересмотра жалобы в апелляционном порядке, должен был не только разъяснить осужденному его право на непосредственное участие в зале судебного заседания в кассационном производстве, но и разъяснить осужденному порядок заявления соответствующего ходатайства. Данные действия совершены не были. Более того, кассационный суд принимая жалобу, не обсуждал даже вопрос о рассмотрении уголовного дела в отсутствие осужденного [25].

Аналогичные последствия наступают и тогда, когда право на защиту нарушается посредством не допуска защитника к участию в уголовном деле. Если вступление адвоката на основании ордера и предоставления копии удостоверения адвоката уже стало нормой, то возникают ситуации, когда правоприменители – органы предварительного расследования, требуют

предоставления дополнительных документов. Такие ситуации связаны с участием адвоката в интересах обвиняемого, объявленного в розыск. Органы следствия посчитали, что в таких случаях они не могут выяснить волю обвиняемого и соответственно не допускали адвоката в качестве защитника.

Этот казус стал предметом рассмотрения Верховного Суда РФ.

Как было установлено, в производстве заместителя начальника отдела Следственного управления находится уголовное дело по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В Следственное управление от адвоката О. поступило ходатайство, в котором сообщалось о принятии им поручения на защиту обвиняемого С., с просьбой приобщить к материалам уголовного дела ордер, копию своего удостоверения, а также рукописные заявления от имени С. о согласии на представление его интересов адвокатом О. и допуске его в качестве защитника. Заместителем начальника отдела Следственного управления было вынесено постановление об отказе в удовлетворении указанного ходатайства, мотивированное тем, что в связи с нахождением С. в розыске и ввиду информации о его нахождении на территории иностранных государств органы следствия лишены возможности удостовериться в согласии обвиняемого на участие в деле в качестве защитника адвоката О. По постановлению суда первой инстанции (суды апелляционной и кассационной инстанций оставили указанное решение без изменения) жалоба адвоката, поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, на постановление заместителя начальника отдела Следственного управления оставлена без удовлетворения. Отказывая в удовлетворении жалобы, суд пришел к выводу, что для допуска адвоката О. к участию в деле, кроме удостоверения и ордера, ему следовало представить доказательства согласия обвиняемого С. на его участие в деле в качестве защитника, поскольку ни органы следствия, ни суд не могут установить факт принадлежности обвиняемому С. подписи в документах – в заявлении и ходатайстве, выполненных от его имени. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев

уголовное дело по кассационной жалобе адвоката, отменила судебные решения по следующим основаниям.

В силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Указанная статья, таким образом, закрепляет процедуру приглашения защитника, а не порядок допуска его к делу. В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» никто не вправе требовать от адвоката и его доверителя предъявления иных документов, кроме ордера или доверенности, для вступления адвоката в дело. Из приведенных законоположений, а также правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определениях от 22 апреля 2010 г. № 596-О-О, от 22 ноября 2012 г. № 2054-О, от 23 июня 2016 г. № 1432-О, следует, что «выполнение процессуальных обязанностей защитника предполагает наличие у него ордера на ведение уголовного дела конкретного лица и не ставится в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится дело. Следовательно, действующее правовое регулирование закрепляет уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в дело» [24].

Препятствия к вступлению адвоката в производство по уголовному делу могут чиниться на любом этапе судопроизводства, в том числе при инициировании судебных заседаний в порядке кассации. Так, по приговору Дмитриевского районного суда Курской области от 15 августа 2019 г. В. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Курского областного суда от 17 октября 2019 г. приговор изменен в части назначенного В. наказания. Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого

кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2020 г. указанные выше судебные решения оставлены без изменения.

Адвокат в защиту интересов осужденного в кассационной жалобе просил в том числе отменить кассационное определение. В жалобе указано, что судом кассационной инстанции нарушено право осужденного на защиту, поскольку не было обеспечено участие его адвоката. Кроме того, ходатайство об участии защитника в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи необоснованно оставлено без удовлетворения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в Первый кассационный суд общей юрисдикции, указав следующее: согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, предусмотренном ст. 52 УПК РФ. В соответствии с положениями ст. 16 и 47 УПК РФ обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое он может осуществлять лично либо с помощью защитника. Согласно ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе обвиняемого, который после вынесения обвинительного приговора именуется осужденным, участие защитника обеспечивается судом.

Из материалов уголовного дела следует, что в период выполнения требований ст. 401.7 УПК РФ в суд первой инстанции от осужденного В. поступило заявление, в котором содержалась просьба о рассмотрении уголовного дела с участием адвоката, с которым заключено соглашение и который осуществлял его защиту в судах первой и апелляционной инстанций. Судебная коллегия по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции ходатайство осужденного о рассмотрении уголовного дела с участием адвоката оставила без внимания. Рассмотрение уголовного дела в кассационном порядке состоялось 12 марта 2020 г. с участием прокурора, но в отсутствие осужденного и его адвоката. Уголовно-

процессуальный закон обязывает суд кассационной инстанции обеспечить участие адвоката для защиты интересов осужденного при наличии его ходатайства об этом, однако заявление В. о рассмотрении уголовного дела с участием адвоката, вопреки требованиям ч. 3 ст. 50 УПК РФ, судом оставлено без внимания. Следовательно, при рассмотрении кассационной инстанцией уголовного дела было нарушено право осужденного на защиту, т.е. допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, повлиявшее на исход дела [22].

Выше мы уже отмечали, что реализация права на защиту в судебном производстве осуществляется посредством участия обвиняемого и (или) его защитника в судебном заседании. Современная судебная практика дает новые примеры толкования данной нормы, позволяющие в качестве личного участия рассматривать не только непосредственное присутствие лица в зале судебного заседания, но и участие посредством использования систем видеоконференц-связи. До недавнего времени эта норма применялась исключительно к обвиняемым, подсудимым, содержащимся под стражей или осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы.

Отправной точкой в расширении способов участия в судебном заседании стало уголовное дело по обвинению Е. и К. по ч. 1 ст. 172 Уголовного Кодекса РФ, которое суд первой инстанции рассмотрел 12 ноября 2019 г. В апелляционном порядке уголовное дело рассмотрено 16 декабря 2019 г., приговор оставлен без изменения.

Адвокаты осужденных и осужденные Е. и К. подали кассационные жалобы в Первый кассационный суд общей юрисдикции и 9 апреля 2020 года состоялось заседание кассационного суда, по результатам которого изменены приговор и апелляционное постановление в части назначенного осужденным наказания. Учитывая что в этот период действовали ограничительные меры в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, заседание кассационного суда состоялось в отсутствие осужденных и их защитников, с

которыми были заключены соглашения. Интересы осужденных представляли защитники назначенные судом.

Адвокаты в защиту интересов осужденных в кассационных жалобах утверждали, что при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции было допущено нарушение права осужденных Е. и К. на защиту, выразившееся в рассмотрении дела в отсутствие осужденных и с участием защитников, назначенных судом в порядке ст. 51 УПК РФ, при наличии адвокатов, с которыми у осужденных было заключено соглашение на защиту. По мнению адвокатов, суд кассационной инстанции необоснованно отклонил ходатайства защитников об участии в рассмотрении дела посредством видеоконференц-связи.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение от 9 апреля 2020 г., указав: «как усматривается из материалов уголовного дела, судебные решения в отношении осужденных были обжалованы их защитниками, с которыми были заключены соответствующие соглашения, – адвокатами М. и Н. в суд кассационной инстанции, при этом адвокаты заявили ходатайство об участии в рассмотрении дела в суде кассационной инстанции. Осужденные также выразили желание воспользоваться услугами данных адвокатов при рассмотрении дела в Первом кассационном суде общей юрисдикции. Постановлением судьи Первого кассационного суда общей юрисдикции уголовное дело было назначено к слушанию на 26 марта 2020 г. в том числе с участием защитников – адвокатов М. и Н. В связи с неявкой 26 марта 2020 г. адвокатов М. и Н. в судебное заседание оно было отложено на 2 апреля 2020 г. и в целях обеспечения прав осужденных на защиту назначены защитники в порядке ст. 51 УПК РФ. В связи с объявлением в Российской Федерации нерабочих дней с 30 марта по 3 апреля 2020 г. слушание дела перенесено на 9 апреля 2020 г.

Первый кассационный суд общей юрисдикции отказал в удовлетворении ходатайств адвокатов М. и Н. об их участии в рассмотрении

дела посредством видеоконференц-связи в связи с тем, что в соответствии с ч. 2 ст. 401 УПК РФ правом на участие в судебном заседании кассационной инстанции путем использования видеоконференц-связи обладают лица, содержащиеся под стражей, или осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы. Поскольку к данной категории лиц они не относятся, то оснований для обеспечения судом их участия в судебном заседании в режиме видеоконференц-связи не имеется.

Между тем, отказывая в удовлетворении ходатайств адвокатов об их участии в рассмотрении дела в кассационном порядке посредством видеоконференц-связи, суд кассационной инстанции оставил без внимания, что в соответствии с п. 3 постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 808 и п. 5 Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821 «в целях противодействия распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции рекомендовано всем судам при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференц-связи. Дело было рассмотрено 9 апреля 2020 г. в отсутствие осужденных и с участием адвокатов, назначенных судом в порядке ст. 51 УПК РФ. Замена участвующего по соглашению адвоката адвокатом по назначению предусмотрена в законе только как исключение из общего правила. Согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. В связи с изложенным Судебная коллегия отменила определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9

апреля 2020 г. и дело передала на новое кассационное рассмотрение в тот же суд иным составом суда» [23].

Участие защитника в интересах обвиняемого, подозреваемого гарантировано Конституцией РФ и Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Защитник не просто помощник обвиняемого, подозреваемого, он самостоятельный участник судопроизводства, обладающий собственными процессуальными полномочиями, достаточными для обеспечения интересов обвиняемого, подозреваемого. Полномочия защитника регулируются ст. 53 УПК РФ и позволяют в полной мере реализовать функцию защиты. Однако, если возникают препятствия в реализации защитником своих полномочий, то такие действия также рассматриваются как нарушение принципа права на защиту и вызывают соответствующие последствия. Показательным примером является уголовное дело, по обвинению Я., А. и О., по ч. 2 ст. 209 УК РФ.

Как следует из протокола судебного заседания, «во время выступлений в судебных прениях защитников осужденных, когда адвокаты, давая оценку доказательствам, заявляли о недопустимости протоколов допросов подозреваемых, председательствующий сначала неоднократно останавливал выступления защитников, запрещая высказываться о недопустимости доказательств, а затем в нарушение вышеуказанных требований уголовно-процессуального закона лишил адвоката права выступления в судебных прениях со ссылкой на то, что ранее судом принято решение о допустимости этих доказательств, а адвокат неправильно интерпретирует имеющиеся доказательства, злоупотребляя своими правами. Однако мотивы принятых судом решений не соответствуют уголовно-процессуальному закону. Председательствующим установлены не основанные на законе ограничения для участия в судебных прениях защитников; предусмотренных законом оснований для лишения адвоката права на выступление в судебных прениях не имелось. Выступая в судебных прениях, защитник вправе дать оценку всем исследованным доказательствам, в том числе и тем, в отношении

которых судом принималось решение об отказе в признании их недопустимыми. Более того, это является обязанностью защитника в силу ч. 1 ст. 248 УПК РФ, из которой следует, что защитник подсудимого излагает суду свое мнение по существу обвинения и его доказанности, об обстоятельствах, смягчающих наказание подсудимого или оправдывающих его, о мере наказания, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства» [26].

Кроме того, в судебных прениях председательствующий останавливал выступления адвокатов, которые высказывали мнение относительно показаний в качестве подозреваемых А. и О., и, утверждая о законности, достоверности, допустимости этих доказательств, не подтверждении доводов адвокатов исследованными доказательствами, в нарушение требований ч. 1 ст. 88, п. 2 ст. 307 УПК РФ до удаления в совещательную комнату дал оценку этим доказательствам на предмет их достоверности, в то время как оценка всем исследованным в судебном заседании доказательствам должна быть дана при постановлении приговора.

Адвокаты в защиту интересов осужденных и осужденные в апелляционных жалобах просили приговор отменить, поскольку судебное разбирательство проведено с нарушением основных принципов судопроизводства. Так, защитник осужденного Я. отметил, что председательствующий прерывал его выступление в прениях, из-за того, что он по-своему интерпретировал доказательства и оценивал их, а затем в нарушение ч. 5 ст. 292 УПК РФ он был лишен права участвовать в прениях. Аналогичные нарушения допущены и в отношении защитников других осужденных, что свидетельствует о нарушении права осужденных на защиту. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор по следующим основаниям. В соответствии с ч. 5 ст. 292 УПК РФ суд не вправе ограничивать продолжительность прений сторон. При этом председательствующий вправе останавливать участвующих

в прениях лиц, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, а также доказательств, признанных недопустимыми.

Допущенные нарушения уголовно-процессуального закона признаны существенными, так как привели к невозможности реализации адвокатом Т. и ограничению реализации адвокатом К. своих прав, закрепленных в ст. 53 УПК РФ, и, как следствие, к нарушению гарантированных ст. 48 Конституции Российской Федерации прав подсудимых на получение квалифицированной юридической помощи, и наряду с другими установленными по делу нарушениями в их совокупности повлияли на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

На основании вышеизложенного Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила приговор в отношении всех осужденных, уголовное дело передала на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд иным составом суда [26].

Таким образом, принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, закрепленный ст.16 УПК РФ, в полной мере гарантирует основные формы реализации данного права в ходе уголовного судопроизводства. Обвиняемый вправе защищать себя лично либо с помощью защитника и законного представителя. Обязанность обеспечить реализацию права на защиту возложена на органы и должностные лица, ведущие производство по уголовному делу.

2.2 Право на свободу и личную неприкосновенность как принцип уголовного судопроизводства

В соответствии со статьей 3 Всеобщей Декларации прав человека, каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Статья 9 Международного Пакта о гражданских и политических правах признает личную свободу и неприкосновенность каждой личности. Как видим, эти права являются высшей ценностью, защищаемой основными

международными актами. Они ценны не только для каждого отдельного человека, но и в целом для всего общества, т.к. любое ограничение или лишение свободы и личной неприкосновенности связано с ограничением других прав человека.

Как правильно отмечается в литературе, «в международном правотворчестве право на свободу всегда объединяется с правом на личную неприкосновенность. Право на свободу – это особое право, которое понимается как защита не подвергаться физической изоляции. Право на свободу не гарантирует полную свободу действий. В правовом государстве исключена полная свобода. Каждый субъект обладает не только комплексом прав, но и определенными обязанностями. Личная неприкосновенность выступает гарантией от причинения физических или психических повреждений каждому лицу. Любой человек обладает личной неприкосновенностью, что гарантирует ему физическую и психическую безопасность. Обязанность обеспечить каждому человеку соблюдение его права на свободу и личную неприкосновенность лежит на государстве» [11]. При этом государство обязано не только контролировать свои правоохранительные и иные органы и организации, но и не допускать ограничения права на свободу и личную неприкосновенность со стороны третьих лиц. За неправомерные действия третьих лиц, которые государство не предотвратило и не пресекло, отвечает также государство.

Лишение свободы признается там, где отсутствует свободное согласие лица находиться в определенном месте и у него нет возможности по собственной воле в любое время покинуть это место [11]. Если гражданин находится в помещении полиции по своей воле и может покинуть его в любое время, то это не рассматривается как лишение свободы. И наоборот, физическое ограничение лица в любом месте, препятствующее свободному передвижению гражданина, рассматривается как лишение свободы.

С позиции международных актов, гарантии личной неприкосновенности защищают человека от причинения ему телесных или

психических повреждений вне зависимости от того, содержится он под стражей или нет. Следовательно, личная неприкосновенность без связи с правом на свободу не может выступать гарантией неприменения мер физической изоляции человека. Это двуединая конструкция, которая

Международные нормы нашли свое закрепление в тексте Конституции РФ. Так, ст. 22 Конституции закрепляет право каждого на свободу и личную неприкосновенность. Часть 2 указанной статьи закрепляет исключения из права на свободу: «Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

Однако, на уровне отраслевого закона – Уголовно-процессуального кодекса РФ, право на свободу и личную неприкосновенность нашло лишь частичное закрепление, через признание исключительно личной неприкосновенности. Принцип личной неприкосновенности закреплен статьей 10 Уголовно-процессуального кодекса. И хотя в соответствии с частью 1 обозначенной статьи, никто не может быть задержан по подозрению в преступлении или арестован в отсутствие оснований, предусмотренных законом, а решение о применении задержания на срок, свыше 48 часов вправе принять только суд, сущность принципа неприкосновенности личности частично раскрывается в части третьей: «Лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью». Однако и это положение не раскрывает содержание личной неприкосновенности. Если обратиться к международным актам, то очевидно, что право на личную неприкосновенность распространяется на всех граждан, а не только на тех, которые находятся под стражей.

О проблемах понимания принципа неприкосновенности личности указывается и в уголовно-процессуальной науке. Так, О.В. Мичурина

отмечает, что «четкая позиция относительно содержания ограничений неприкосновенности личности в законе отсутствует. Нет ясности и в форме» [18]. Далее автор задается вопросами: «Следует ли полагать, что неприкосновенность личности ограничивают только те действия, что перечислены в ст. 10 УПК РФ? Или их перечень шире?» [18]. В результате своего исследования О.В. Мичурина приходит к выводу что действующая норма, закрепляющая неприкосновенность личности, «вряд ли успешно справляется со своей задачей», а наименование статьи 10 УПК РФ противоречит ее содержанию. Решение проблемы автор видит в новой редакции статьи 10 УПК РФ, а именно предлагается следующий вариант:

«Никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления, заключен под стражу или иным другим образом ограничен в личной неприкосновенности при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов» [18, с. 99].

На наш взгляд, эта формулировка также не решает существующие проблемы. О.В. Мичурина также допускает слияние двух основных прав – права на свободу и права на личную неприкосновенность, что недопустимо.

Тем не менее, достаточно четкая регламентация в законе порядка ограничения обвиняемых в свободе позволяет обеспечить охрану прав и свобод участников при применении мер, связанных с содержанием под стражу. Установленные законом процедуры судебного контроля устраняют возможные ошибки применения заключения под стражу. В качестве примера рассмотрим материалы административного иска по жалобе Б., обратившейся в суд апелляционной инстанции в связи с отстранением ее от должности.

При рассмотрении административного иска, апелляционный суд пришел к следующим выводам: Судом первой инстанции было установлено, что Б. имеет стаж работы по юридической профессии более 23 лет, в том числе в должности судьи более 22 лет. Указом Президента Российской Федерации Б. назначена председателем Ленинского районного суда г.

Севастополя на шестилетний срок полномочий. Решением квалификационной коллегии судей города Севастополя Б. присвоен пятый квалификационный класс судьи.

Судья Б. при рассмотрении ходатайства следователя в нарушение требований части 1 статьи 110 УПК РФ продлила срок содержания под стражей обвиняемого ФИО13, у которого имелось заболевание, препятствующее его содержанию под стражей. В результате ФИО13 умер. Постановлением президиума Севастопольского городского суда постановление судьи Б. отменено, в адрес судьи вынесено частное постановление. Кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации частное постановление президиума Севастопольского городского суда в отношении Б. оставлено без изменения, ее кассационная жалоба - без удовлетворения. Доводы административного истца об отсутствии грубых нарушений норм уголовно-процессуального законодательства при разрешении указанного процессуального вопроса, судебной коллегией отклоняются как противоречащие установленным по делу обстоятельствам. Иные приводимые административным истцом доводы сводятся к несогласию с процессуальными действиями президиума при рассмотрении в кассационном порядке жалобы адвоката ФИО13. Указанные доводы правового значения не имеют, суждений суда о квалификации действий судьи при отправлении правосудия как грубого нарушения положений закона не опровергают.

Из материалов дела также следует, что судьей Б. при рассмотрении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в отношении ФИО12 в нарушение требований части 1.1 статьи 108 УПК РФ было принято незаконное решение о заключении ее под стражу. Указанное постановление апелляционным постановлением было отменено, в адрес судьи вынесено частное постановление. Судом апелляционной инстанции указано, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не могло быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении

преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 УК РФ, если это преступление совершено в сфере предпринимательской деятельности. Из описания вменяемого ФИО12 деяния усматривалось, что оно совершено в сфере предпринимательской деятельности, в связи с чем в силу положений законодательства к ней не могла быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу. Приводимые в апелляционной жалобе доводы административного истца об ином характере вменяемого ФИО12 деяния, а также доводы о наличии в распоряжении суда данных, свидетельствующих об обоснованности ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, судебной коллегией отклоняются.

Судебная коллегия соглашается с содержащимися в решении суда выводами о том, что при рассмотрении процессуальных вопросов о применении мер пресечения в отношении ФИО13 и ФИО12 судья Б. допустила грубое нарушение норм уголовно-процессуального законодательства, которое повлекло за собой нарушения прав и свобод граждан.

Б. грубо нарушены требования Уголовно-процессуального кодекса РФ, обязывающие суд обеспечивать защиту личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод (пункт 2 части 1 статьи 6); немедленно освободить всякого незаконно содержащегося под стражей (часть 2 статья 10); создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав; запрещающие заключать под стражу лиц при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом (часть 1 статьи 10). Допущенные нарушения не могут быть отнесены к судебной ошибке, явившейся следствием неправильной оценки доказательств по делу, либо неправильного применения норм материального или процессуального права. С учетом указанных обстоятельств доводы административного истца о том, что судья не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им

при осуществлении правосудия мнение и принятое решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, судебной коллегией отклоняются [3].

Как видно, в российском законодательстве не только детально регламентирована процедура применения мер принуждения, ограничивающих право на свободу обвиняемого, подозреваемого, но и предусмотрены меры защиты от каких-либо нарушений, вплоть до применения мер ответственности к должностным лицам, принимающим незаконные решения.

Еще один момент связан с определением соотношения категорий «незаконное содержание под стражей» и «произвольное содержание под стражей». На эту проблему впервые обратил внимание Комитет по правам человека в своих Замечаниях общего порядка № 35 [11], который обратил внимание, что право на свободу не может быть абсолютным и может быть ограничено в установленных законом случаях. Однако во всех случаях ограничение свободы не может быть незаконным, произвольным и должно осуществляться только на основании закона. При этом под незаконным лишением свободы понимается лишение свободы без соответствующих оснований и с нарушением установленной законом процедуры.

«Арест или содержание под стражей могут соответствовать внутреннему законодательству, но тем не менее быть произвольными. Понятие «произвольности» не следует приравнивать к понятию «противозаконности», а следует толковать более широко, включая в него элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности. Например, содержание под стражей в виде меры пресечения должно быть разумным и необходимым в любых обстоятельствах. Исключая заключение на оговоренный срок по

приговору суда, решение о содержании человека под стражей в любой форме является произвольным, если оно не подлежит периодическому пересмотру на предмет обоснованности дальнейшего содержания под стражей» [11].

Анализ сказанного позволяет прийти к выводу о юридическом тождестве таких категорий, как «произвольность» и «необоснованность». Как понимать и определять обоснованность в принятии решения о применении заключения под стражу, отметила Ю.В. Малышева: «отсутствие в итоговом решении суда оценки по каждому из оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 97 и ст. 99 УПК РФ и положенных в основу ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также ссылки суда на соответствующие доказательства, представленные сторонами, свидетельствует о его необоснованности» [15].

Учитывая, что право на свободу может быть ограничено в уголовном судопроизводстве только в двух формах – применением задержания и заключением под стражу (или его альтернативой домашним арестом), полагаем законодатель должен в статье 10 четко и недвусмысленно закрепить именно эти положения, в том числе решить вопрос о правовой регламентации так называемого фактического задержания. На наш взгляд, фактическое задержание, т.е. задержание не имеющее правовой регламентации существенно подрывает авторитет государства и нивелирует действие принципа права на свободу. Относительно права на неприкосновенность личности, то очевидно, что это право присуще всем участникам уголовного судопроизводства, а не только обвиняемым и подозреваемым. Содержание права на неприкосновенность должно раскрываться в отдельной статье УПК РФ и включать в себя запрет на любые действия должностных лиц, которые могут причинить физический или психический ущерб участникам судопроизводства.

Иллюстрацией этих положений являются материалы по делу «Сергей Сотник против Российской Федерации», рассмотренные Комитетом по правам человека 23 июля 2020 года. Комитет принял к сведению

утверждения С. Сотника о том, что с 12 ноября 2008 года по 27 марта 2009 года он незаконно содержался под стражей в ожидании суда. До начала рассмотрения жалобы Россия, как государство-участник признало: автор был заключен под стражу и впоследствии освобожден, однако государство утверждало, что национальные суды признали содержание С. Сотника под стражей «необоснованным», а не "незаконным". Обстоятельства дела следующие: национальные суды признали отсутствие доказательств того, что Сотник был должным образом уведомлен о необходимости явиться к следователю и намеренно уклонился от явки. Это подтверждалось решением районного суда от 3 апреля 2009 года. Комитет отметил, что и 14 ноября 2008 года, и 4 февраля 2009 года тот же суд принял решение о заключении автора под стражу, но не рассмотрел вопрос о том, намерен ли автор скрыться и является ли содержание под стражей при таких обстоятельствах «разумным и необходимым». С учетом описанных выше обстоятельств и в отсутствие конкретных объяснений со стороны национальных судов и государства-участника Комитет пришел к выводу - государство-участник нарушило права С. Сотника, предусмотренные пунктом 1 статьи 9 Пакта

Комитет по правам человека также обратил внимание на следующее - хотя национальные суды приняли иск автора и рассмотрели его, они отказали ему в выплате компенсации за время, проведенное им под стражей, на основании вывода о том, что его содержание под стражей было «необоснованным», но не являлось «незаконным». Комитет принял к сведению решение районного суда от 3 февраля 2010 года, в котором суд отказал в выплате компенсации на том основании, что у автора не было "права на реабилитацию" по смыслу статей 133 и 134 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Поэтому Комитет считал, что районный суд ограничил право автора на компенсацию, обусловив это право наличием оснований для "реабилитации", что может определяться только уголовным судом. Комитет отметил: этот недостаток впоследствии не был исправлен вышестоящими судами. Требуя вывода уголовного суда о наличии

права на реабилитацию, государство-участник делает невозможным в отсутствие вынесенного ранее положительного заключения осуществление таким лицом, как автор, своего права на компенсацию, обладающего исковой силой. В свете этого вывода и с учетом вывода Комитета о том, что заключение автора под стражу действительно было произвольным, Комитет пришел к заключению, что государство-участник нарушило право автора на средство правовой защиты, обладающее исковой силой и защищаемое в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Пакта.

В соответствии с пунктом 3 «а» статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. В частности, оно должно предоставить полное возмещение лицам, чьи права, гарантируемые Пактом, были нарушены. В данном случае государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, включая адекватную компенсацию за понесенный ущерб. Государство-участник также обязано принять все необходимые меры для недопущения подобных нарушений в будущем.

Таким образом, на уровне отраслевого закона – Уголовно-процессуального кодекса РФ, право на свободу и личную неприкосновенность нашло лишь частичное закрепление, через признание исключительно личной неприкосновенности. Принцип личной неприкосновенности закреплен статьей 10 Уголовно-процессуального кодекса. И хотя в соответствии с частью 1 обозначенной статьи, никто не может быть задержан по подозрению в преступлении или арестован в отсутствие оснований, предусмотренных законом, а решение о применении задержания на срок, свыше 48 часов вправе принять только суд, сущность принципа неприкосновенности личности частично раскрывается в части третьей: «Лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью». Однако и это положение не раскрывает

содержание личной неприкосновенности. Если обратиться к международным актам, то очевидно, что право на личную неприкосновенность распространяется на всех граждан, а не только на тех, которые находятся под стражей.

Полагаем, отсутствие в УПК РФ положения, закрепляющего право каждого на свободу - существенное упущение законодателя, которое должно быть исправлено. Уголовно-процессуальный кодекс РФ должен однозначно гарантировать каждому право на свободу, понимая под этим особый правовой режим, исключая любые формы физической изоляции человека, за исключением тех, которые предусмотрены Конституцией РФ.

2.3 Принцип разумного срока уголовного судопроизводства

Предусмотренное Конституцией Российской Федерации и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. право на судебную защиту, включающее, в том числе право на судопроизводство в разумный срок и право на исполнение судебного акта в разумный срок, реализуется посредством создания государством процессуальных условий для эффективного и справедливого рассмотрения дела, а также организации и обеспечения своевременного и эффективного исполнения судебных актов. В уголовном судопроизводстве принцип разумного срока нашел свое закрепление в 2010 году, посредством введения новой статьи 6.1 в главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства».

Статья 6.1 УПК РФ, введенная в кодекс Федеральным законом № 69-ФЗ от 30.04.2010 г., закрепляет правило, согласно которому уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок. При этом под разумными сроками понимались сроки, установленные Уголовно-процессуальным кодексом РФ, с учетом предельного продления, также предусмотренного кодексом. Учитывая, что в отдельных случаях сроки не имеют предельных границ, законодатель устанавливает правило, что

независимо от продления, любые сроки должны быть разумными. Что понимать под «разумными сроками» и как их определять, устанавливает часть 3 статьи 6.1 УПК РФ. При подготовке дипломной работы мы ознакомились с прокурорским толкованием «разумных сроков», высказанным Симоновским межрайонным прокурором г. Москвы Д.Т. Цабрия в апреле 2020 года. По мнению прокурора «конкретного срока, в течение которого суд обязан рассмотреть уголовное дело, уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает. Продолжительность разумного срока зависит от правовой и фактической сложности уголовного дела» [38].

Как мы полагаем, в качестве разумных сроков следует понимать сроки, которые объективно необходимы для решения задач уголовного судопроизводства, при условии своевременного и качественного исполнения органами расследования и судами возложенных на них полномочий. Разумные сроки не могут включать в себя время, в течение которого происходит волокита или иное затягивание производства по делу. Более того, в ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ обозначено, что никакие обстоятельства, связанные с деятельностью органов предварительного расследования, прокуратуры или суда не могут являться основанием для увеличения сроков уголовного судопроизводства.

Определение разумных сроков различается, с учетом того, в отношении какого участника определяются сроки. Так, для лица, в отношении которого ведется производство, т.е. обвиняемого, подозреваемого, разумный срок начинает исчисляться со дня начала уголовного преследования, до дня прекращения уголовного преследования или дня вынесения приговора. Для потерпевшего сроки исчисляются со дня подачи заявления о преступлении и дня прекращения уголовного преследования или дня вынесения приговора. Оценка срока как разумного предполагает учет ряда обстоятельств, обозначенных в этой части, а именно:

- своевременность обращения лица, которому причинен вред преступлением;
- правовая и фактическая сложность материалов проверки сообщения о преступлении или уголовного дела;
- поведение участников уголовного судопроизводства;
- достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела;
- общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Однако, в первоначальном виде ст. 6.1 УПК РФ, как обоснованно отмечали ученые-процессуалисты, была неспособна изменить ситуацию с чрезмерно длительным расследованием и разрешением уголовных дел, требовались серьезные изменения во всей системе уголовного судопроизводства [5, 19]. Начиная с 2014 года, законодатель пытается совершенствовать данную статью, внося в нее дополнительные части практически ежегодно.

Так, ФЗ № 272-ФЗ от 21.07.2014 г. в статью 6.1 УПК РФ добавлена статья 3.1, предусматривающая правила определения разумного срока в досудебном производстве, когда оно завершается принятием решения о приостановлении предварительного расследования в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. И опять законодатель не называет предельный срок расследования, а лишь упоминает, какие обстоятельства подлежат учету. Это такие обстоятельства, как:

- правовая и фактическая сложность уголовного дела;
- поведение потерпевшего и иных участников досудебного производства по уголовному делу;

- достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления;
- общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу.

В 2015 году в ст.6.1 УПК РФ добавлена часть 3.2, которая распространила правила ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ на исчисление сроков применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество лиц, не являющихся обвиняемыми, подозреваемыми или лицами, несущими по закону ответственность за их действия. Эти изменения внесены Федеральным законом № 190-ФЗ от 29.06.2015 г. и предусматривали, что при определении сроков применения ареста на имущество третьих лиц учитываются обстоятельства, перечисленные в части 3 этой же статьи.

В дальнейшем применении ст. 6.1 УПК РФ также возникли трудности при исчислении разумных сроков досудебного производства, когда уголовное судопроизводство заканчивается в этой стадии в форме прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности, либо в случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела. При определении периода производства начальной точкой выступает день подачи заявления о преступлении, а окончанием срока – день принятия решения об отказе о возбуждении уголовного дела, либо день принятия решения о прекращении уголовного дела на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Чтобы определить, можно ли считать данный срок разумным, т.е. объективно необходимым для принятия законного решения, следует учитывать следующие обстоятельства:

- своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, с заявлением о преступлении,

- правовая и фактическая сложность материалов проверки сообщения о преступлении или материалов уголовного дела,
- поведение потерпевшего, лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, иных участников досудебного производства по уголовному делу,
- достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления,
- общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу.

Важный момент в определении разумных сроков судопроизводства обозначен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11. Как указал Пленум, «период со дня вступления в законную силу последнего оспариваемого судебного акта до дня вынесения судьей кассационной, надзорной инстанции определения об отказе в передаче либо о передаче кассационной, надзорной жалобы в суд кассационной, надзорной инстанции не включается в общую продолжительность судопроизводства (пункт 50)» [31]. В связи с этим Верховный Суд РФ отказал в удовлетворении административного заявления Малову о присуждении компенсации за нарушение его права на разумный срок судопроизводства.

Фабула дела следующая. Малов 20 июля 2008 г. был задержан в качестве подозреваемого по уголовному делу N 30577, приговор по которому был постановлен 15 января 2009 г. Верховным Судом Республики Татарстан. 16 июня 2020 г. кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации приговор изменен, продолжительность судопроизводства по делу составила 11 лет 10 месяцев 28 дней. Все это время он находился под арестом или в местах лишения свободы. По мнению Малова, обстоятельством,

повлиявшим на продолжительность судопроизводства по делу, явилось нарушение его права на защиту в суде кассационной инстанции, что повлекло отмену кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2009 г. и направление дела на новое кассационное рассмотрение [34].

Из материалов уголовного дела N 30577 следует, что оно возбуждено 19 июля 2008 г. по признакам преступлений, предусмотренных пунктами «а», «ж», «з» части 2 статьи 105, пунктом «в» части 4 статьи 162 УК РФ.

19 июля 2008 г. Малов С.Е. написал чистосердечное признание, 20 июля 2008 г. он задержан в качестве подозреваемого в порядке статей 91 и 92 УПК РФ и допрошен в качестве подозреваемого. В этот же день проведена проверка его показаний на месте.

21 июля 2008 г. постановлением председателя Авиастроительного районного суда г. Казани ему избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, 28 июля 2008 г. предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «а», «ж», «з» части 2 статьи 105, пунктом «в» части 4 статьи 162 УК РФ, и он допрошен в качестве обвиняемого.

4 августа, 16 октября, 26 ноября 2008 г. Малов С.Е. и его защитник ознакомлены с постановлениями о назначении судебных экспертиз и ознакомлены с заключениями эксперта. 26 ноября 2008 г. Малову С.Е. предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «а», «ж», «з» части 2 статьи 105, пунктом «в» части 4 статьи 162 УК РФ, и он допрошен в качестве обвиняемого.

5 декабря 2008 г. Малов С.Е. и его защитник уведомлены об окончании следственных действий и ознакомлены с материалами уголовного дела.

11 декабря 2008 г. заместителем прокурора г. Казани уголовное дело направлено первому заместителю прокурора Республики Татарстан для решения вопроса об утверждении обвинительного заключения. 17 декабря 2008 г. первым заместителем прокурора Республики Татарстан утверждено

обвинительное заключение, и уголовное дело в порядке статьи 222 УПК РФ направлено в Верховный Суд Республики Татарстан.

Продолжительность досудебного производства по делу в отношении Малова С.Е. составила 4 месяца 29 дней.

18 декабря 2008 г. постановлением судьи Верховного Суда Республики Татарстан по делу на 29 декабря этого же года назначено предварительное слушание. 29 декабря 2008 г. постановлением судьи по итогам предварительного слушания на 12 января 2009 г. назначено открытое судебное заседание.

15 января 2009 г. постановлен приговор, по которому Малов С.Е. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «а», «ж», «з» части 2 статьи 105, пунктом «в» части 4 статьи 162 УК РФ, и ему назначено наказание в виде 20 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. 19 января 2009 г. ему вручена копия приговора, а 20 января и 19 февраля 2009 г. направлены копии протокола судебного заседания, которые были ему вручены 5 и 24 февраля 2009 г.

С 23 января 2009 г. от участников процесса начали поступать кассационные жалобы, дополнения к ним и возражения на них. 27 февраля и 10 марта 2009 г. рассмотрены замечания на протокол судебного заседания осужденного Ш.

10 марта 2009 г. уголовное дело направлено для кассационного рассмотрения в Верховный Суд Российской Федерации. 15 апреля 2009 г. кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в отношении Малова С.Е. изменен, исключено его осуждение по пунктам "а", "ж" части 2 статьи 105 УК РФ и назначено наказание в виде 19 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Продолжительность производства дела в суде составила 3 месяца 29 дней.

15 июля 2019 г. постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации надзорная жалоба осужденного Малова С.Е. на кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2009 г. вместе с материалами уголовного дела передана на рассмотрение в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

9 октября 2019 г. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2009 г. отменено, уголовное дело передано на новое кассационное рассмотрение в порядке, предусмотренном главой 45 УПК РФ.

Судебное заседание по рассмотрению дела в кассационном порядке назначено на 27 ноября 2019 г. В указанный день определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворены ходатайства осужденных Малова С.Е. и Ш. об ознакомлении с материалами уголовного дела, уголовное дело снято с кассационного рассмотрения и направлено в Верховный Суд Республики Татарстан для организации ознакомления осужденных с материалами дела. 5 декабря 2019 г. уголовное дело направлено в Верховный Суд Республики Татарстан. 17 декабря 2019 г. постановлением судьи Верховного Суда Республики Татарстан осужденные Малов С.Е. и Ш. этапированы в учреждение ФКУ СИЗО УФСИН России по Республике Татарстан для ознакомления с материалами дела в Верховном Суде Республики Татарстан. Ознакомление Ш. проводилось 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28 января 2020 г. Ознакомление Малова С.Е. проводилось 18, 19, 20, 23, 24, 25, 26, 27, 30 декабря 2019 г., 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17 января 2020 г.

6 февраля 2020 г. уголовное дело направлено для кассационного рассмотрения в Верховный Суд Российской Федерации. Кассационное рассмотрение по делу начато 18 марта 2020 г. и далее продолжалось 24 марта, 21 апреля, 16 июня 2020 г.

16 июня 2020 г. кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в отношении Малова С.Е. изменен, исключено его осуждение по пунктам «а», «ж» части 2 статьи 105 УК РФ, и назначено наказание в виде 18 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Продолжительность производства в суде с 15 июля 2019 г. по 16 июня 2020 г. составила 11 месяцев 2 дня. Общая продолжительность производства дела в суде составила 1 год 3 месяца 1 день.

На основании установленных сроков, Верховный суд РФ пришел к выводу, что общая продолжительность судопроизводства по уголовному делу от начала уголовного преследования Малова, до момента вступления в силу приговора суда, составила 1 год и 8 месяцев, что не может рассматриваться как нарушение требования о разумных сроках судопроизводства. В своем решении Верховный Суд сослался на то, что в продолжительность срока судопроизводства включается только время, в течение которого уголовное дело находится в производстве органов предварительного расследования, прокурора и суда. Соответственно период времени с 2009 по 2019 год, на который ссылается Малов, не может включаться в общую продолжительность срока судопроизводства.

На момент введения в действие ст.6.1. УПК РФ и в дальнейшем, при ее дополнении, законодатель не вносит каких-либо изменений в существующие сроки судопроизводства. Это еще раз подчеркивает, что предусмотренные кодексом процессуальные сроки законодатель рассматривает как объективно необходимые и разумные. С. С. Безруков подчеркивая, что при закреплении в ст. 6.1 УПК РФ принципа разумного срока уголовного судопроизводства законодатель не изменил ни одной нормы, регламентирующей сроки производства по уголовным делам, резонно заключил: «Статья 6.1 УПК априори не способна стать надежной гарантией от затягивания сроков предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных

дел. Механизма, способного эффективно противодействовать волоките или неоправданному затягиванию сроков производства по уголовным делам, в уголовно-процессуальном законодательстве так и не появилось. Вместо этого глава 2 УПК РФ пополнилась очередными декларациями, неспособными хоть сколько-нибудь повлиять на весьма значимую проблему российского уголовного судопроизводства» [5]. По мнению автора, внесенные в 2014-2016 гг. в ст. 6.1 УПК РФ были новые нормы (чч. 3.1-3.3), «приземлили» общие требования закона о разумном сроке уголовного судопроизводства путем установления конкретных правил определения разумных сроков досудебного производства (ч. 3.1 и ч. 3.3), применения мер процессуального принуждения (ч. 3.2). Как считает В.В. Николук, благодаря этим точечным изменениям в ст. 6.1 УПК РФ ее положения стали эпизодически применяться на практике. [19]

Однако и в настоящее время содержание ст.6.1 УПК РФ нуждается в совершенствовании. Так, в Конституционный Суд РФ обратилась гражданка Э.Р. Юровских с жалобой на проверку конституционности ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ.

Решением Астраханского областного суда от 19 июля 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам того же суда от 12 сентября 2018 года, Э.Р. Юровских, действующей в своих интересах и в интересах своей несовершеннолетней дочери М., родившейся в 2012 году, было отказано в удовлетворении административных исковых требований о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок.

Как было установлено, «признавая срок судопроизводства разумным, суды исходили из того, что период с момента обращения Э.Р. Юровских с заявлением о проведении проверки и привлечении к уголовной ответственности лиц, действия (бездействие) которых привели к внутриутробной смерти двух ее детей, а также причинили вред здоровью

третьему ребенку (10 июля 2013 года), до признания Э.Р. Юровских и несовершеннолетней М. потерпевшими (14 апреля 2014 года и 30 июня 2017 года соответственно) не подлежит включению в срок судопроизводства по данному делу (несмотря на решения об отказе в возбуждении уголовного дела, неоднократно принимавшиеся в этот период), а потому продолжительность судопроизводства следует исчислять со дня признания указанных лиц потерпевшими и по день вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу в связи со смертью подозреваемого (30 января 2018 года)» [29].

В передаче кассационных жалоб заявительницы, действующей в своих интересах и в интересах своей несовершеннолетней дочери М., для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции отказано (определение судьи Астраханского областного суда от 26 октября 2018 года и определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2019 года).

Рассмотрев жалобу Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что «оспариваемая заявительницей норма как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому ей судебной практикой, позволяет исключать из оценки разумности срока уголовного судопроизводства в случаях, когда производство по уголовному делу прекращено в связи со смертью подозреваемого, продолжительность стадии возбуждения данного дела (проверки заявления о преступлении), что не согласуется с приведенными правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и приводит к нарушению конституционных прав лица, которому преступлением причинен вред» [31].

Несмотря на критику статьи 6.1 УПК РФ, следует отметить, что в ее содержании законодатель предусмотрел механизм соблюдения разумных сроков в судебном производстве. Это так называемая «процедура ускорения рассмотрения уголовного дела». Так, часть 5 предусматривает, что заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда, в котором

уголовное дело после поступления долгое время не рассматривается или судебный процесс явно затягивается, с заявлением об ускорении производства. Если дела поступило и должно рассматриваться мировым судьей, то заявление об ускорении подается председателю районного федерального суда. Председатель суда обязан рассмотреть такое заявление в течение 5 суток со дня его поступления и принять мотивированное постановление, в котором должны быть приняты меры для ускорения рассмотрения дела.

При избрании председателем суда конкретных мер, необходимых для ускорения рассмотрения дела, следует учитывать недопустимость нарушения принципов независимости и беспристрастности судей. Например, председатель суда не вправе рекомендовать назначение экспертизы, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими, о том, какое решение должно быть принято судом при рассмотрении дела, а также совершать иные действия, направленные на вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия по конкретному делу [31].

Если по результатам рассмотрения заявления об ускорении председатель суда не установит оснований для ускорения рассмотрения дела, он выносит мотивированное определение (постановление) об отказе в удовлетворении заявления об ускорении. Заявление об ускорении, а также вынесенное по результатам его рассмотрения определение (постановление) председателя суда приобщаются к материалам дела, об ускорении рассмотрения которого подано заявление.

В разъяснениях, данных для сотрудников прокуратуры, также указывается на право прокурора обратиться в суд с заявлением об ускорении рассмотрения уголовного дела в случае, если уголовное дело рассматривается в течение длительного срока, что нарушает права и законные интересы лиц, не способных самостоятельно защищать свои права [38]. Кроме того, прокуроры уполномочены ходатайствовать перед судом о

применении к участникам – свидетелям. Потерпевшим, мер процессуального принуждения, направленных на обеспечение явки участников в судебное заседание. Они также вправе инициировать истребование дополнительных сведений о причинах неявки участников в суд, принимать меры по факту несвоевременного конвоирования подсудимых в судебное заседание, а также в случае длительного проведения судебных экспертиз.

Помимо этого, в Российской Федерации действует Федеральный закон № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30 апреля 2010 г., который устанавливает специальный способ защиты права на разумный срок судопроизводства, посредством присуждения пострадавшим лицам денежной компенсации. Компенсация – это мера ответственности государства, которая наступает вне связи с наличием или отсутствием вины органов государственной власти и их должностных лиц и выражается в денежном исчислении причиненного неимущественного вреда. В размер компенсации не входит имущественный вред, причиненный лицу в результате нарушения сроков судопроизводства. Такой вред должен возмещаться самостоятельно. А получение компенсации за нарушение разумных сроков лишает лицо права на получение морального вреда за данное нарушение.

Практику применения данного закона рассмотрим на примере административного дела по административному исковому заявлению А.А. Коростелева о присуждении компенсации [33].

Фабула дела следующая. 21 октября 2009 г. Коростелев А.А. признан потерпевшим по уголовному делу N 1952706 по обвинению Махмудова А.А., Махмудова Ф.А. и Гаджиева В.А. 28 октября 2013 г. Верховным Судом Республики Коми по делу постановлен приговор. 3 апреля 2014 г. апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации данный приговор отменен, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд.

25 июня 2014 г. постановлением судьи Верховного Суда Республики Коми производство по делу приостановлено ввиду розыска обвиняемых, приговор по делу не постановлен. 20 сентября 2019 г. производство по делу возобновлено для рассмотрения ходатайства исполняющего обязанности прокурора Республики Коми о выделении из уголовного дела N 1952706 в отдельное производство уголовного дела по обвинению Махмудова А.А., Махмудова Ф.А. и Гаджиева В.А. по пунктам «а», «в», «г» части 2 статьи 163 Уголовного кодекса Российской Федерации, по которому Коростелев А.А. признан потерпевшим. 7 ноября 2019 г. постановлением Верховного Суда Республики Коми, обжалованным в апелляционном порядке, ходатайство прокурора удовлетворено, уголовное дело по обвинению Махмудова А.А., Махмудова Ф.А. и Гаджиева В.А. в указанной части выделено в отдельное производство и направлено по подсудности в Ухтинский городской суд Республики Коми. 7 ноября 2019 г. постановлением Верховного Суда Республики Коми уголовное дело N 1952706 приостановлено в связи с розыском обвиняемых.

Коростелев А.А. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 3030000 руб. В обоснование заявленного требования указал, что продолжительность судопроизводства по уголовному делу, по которому он признан потерпевшим, составила 13 лет 9 месяцев. До настоящего времени производство по делу не завершено. Ссылался на то, что обращался к председателю Верховного Суда Республики Коми в порядке статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с заявлением об ускорении рассмотрения уголовного дела, в удовлетворении которого ему отказано.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2020 г. административное исковое заявление удовлетворено частично,

Коростелеву А.А. присуждена компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 70000 руб.

В своем решении суд руководствовался следующим. Вступившим в законную силу решением Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2015 г. установлено, что 1 сентября 2009 г. возбуждено уголовное дело N <...> в отношении Махмудова Ф.А., Махмудова А.А. и Махмудова М.А., а также иных не установленных следствием лиц, в деяниях которых усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного п. п. «в», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ, по факту незаконного требования у П. и Коростелева М.А. денежных средств и причинения последним телесных повреждений и угрозы убийством. 7 октября 2009 г. уголовное дело N <...> соединено в одно производство с уголовным делом N <...> и соединенному делу присвоен N <...>

21 октября этого же года Коростелев А.А. признан по уголовному делу N <...> потерпевшим. 14 октября 2011 г. уголовное дело направлено в Верховный Суд Республики Коми. 28 октября 2013 г. по делу постановлен приговор, по которому Махмудов Ф.А., Махмудов А.А., Гаджиев В.А. оправданы. 3 апреля 2014 г. апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор Верховного Суда Республики Коми отменен, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе со стадии предварительного слушания.

25 июня 2014 г. постановлением судьи Верховного Суда Республики Коми обвиняемым Махмудову А.А., Махмудову Ф.А. и Гаджиеву В.А. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, они объявлены в розыск, производство по делу приостановлено.

Общая продолжительность судопроизводства по уголовному делу в отношении потерпевшего Коростелева А.А. исчисляемая с 1 сентября 2009 г. (даты возбуждения уголовного дела N <...>), до 25 июня 2014 г. (даты вынесения постановления судьи Верховного Суда Республики о

приостановлении производства по делу), составила 4 года 9 месяцев 24 дня и не содержит признаков нарушения разумного срока.

Из представленных Верховным Судом Республики Коми материалов уголовного дела N <...> усматривается, что 20 сентября 2019 г. производство по делу возобновлено для рассмотрения ходатайства и.о. прокурора Республики Коми о выделении из уголовного дела N <...> в отдельное производство уголовного дела по обвинению Махмудова А.А., Махмудова Ф.А. и Гаджиева В.А. по п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ, по которому Коростелев А.А. признан потерпевшим. 7 ноября 2019 г. постановлением Верховного Суда Республики Коми, оставленным без изменения определением Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2020 г., ходатайство прокурора удовлетворено, уголовное дело выделено в отдельное производство и направлено по подсудности в Ухтинский городской суд Республики Коми, производство по уголовному делу N <...> приостановлено в связи с розыском обвиняемых. В настоящее время судом предпринимаются меры по розыску подсудимых Махмудова А.А., Махмудова Ф.А. и Гаджиева В.А.

Суд пришел к выводу, что продолжительность судопроизводства по уголовному делу N <...> исчисляемая с 26 июня 2014 г. по 3 февраля 2020 г. (поступления административного искового заявления Коростелева А.А. в Верховный Суд Российской Федерации), составила 5 лет 7 месяцев 9 дней.

Общая продолжительность судопроизводства по делу в отношении потерпевшего Коростелева А.А. составила 10 лет 5 месяцев 3 дня.

При этом суд принимает во внимание действия Верховного Суда Республики Коми и правоохранительных органов по розыску подсудимых, осуществляемые в период с 26 июня 2014 г. по настоящее время.

При принятии настоящего решения суд принял во внимание решение Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2015 г. N АКПИ15-1102, которым период судопроизводства с 1 сентября 2009 г. по 25 июня 2014 г. признан разумным и не нарушающим права административного истца

на уголовное судопроизводство в разумный срок, а также признана достаточность действий Верховного Суда Республики Коми и правоохранительных органов по розыску подсудимых, осуществляемых в период с 26 июня 2014 г. по настоящее время.

Таким образом, в качестве разумных сроков следует понимать сроки, которые объективно необходимы для решения задач уголовного судопроизводства, при условии своевременного и качественного исполнения органами расследования и судами возложенных на них полномочий. Разумные сроки не могут включать в себя время, в течение которого происходит волокита или иное затягивание производства по делу.

Заключение

Проведенный анализ, в рамках настоящей выпускной квалификационной работы, позволяет сделать следующие выводы.

Российский законодатель раскрывая принцип законности делает акцент на запрете применения правового акта, противоречащего УПК РФ. Полагаем, что такой подход не является конструктивным и должен быть изменен, так как очевидно, что принимаемые законодательным органом правовые нормы не должны противоречить между собой и, следовательно, делать акцент на наличии противоречий не логично. Также очевидно, что режим законности должен распространяться на всех участников уголовного судопроизводства, в том числе на должностных лиц и органы, осуществляющие производство по уголовному делу. В связи с обозначенным следует изменить подход к определению содержания принципа законности по российскому законодательству, который учитывает иерархичность законодательных актов и ориентирует участников судопроизводства только на исполнение обращенных к ним требований и указаний должностных лиц, оставляя последних за рамками данного принципа

В практике Верховного Суда РФ уже обозначился запрет на злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30.06.2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», Верховный суд указал на право суда не признавать нарушенным право на защиту, если его нарушение связано с «явно не добросовестным использованием в ущерб интересам других участников уголовного процесса». Целесообразно данную норму ввести и в уголовно-процессуальное законодательство. Однако, при введении данной нормы в УПК следует учитывать, что запрет на злоупотребление правом должен распространяться не только на защитника и вовлеченных участников,

но также предусматривать запрет на злоупотребление усмотрением для должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу.

Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, закрепленный ст. 16 УПК РФ, в полной мере гарантирует основные формы реализации данного права в ходе уголовного судопроизводства. Обвиняемый вправе защищать себя лично либо с помощью защитника и законного представителя. Обязанность обеспечить реализацию права на защиту возложена на органы и должностные лица, ведущие производство по уголовному делу. Реализация права на защиту в судебном производстве осуществляется посредством участия подсудимого в судебном заседании. Суд обязан создать условия для реализации подсудимым этого права, независимо от того, на какой инстанции рассматривается уголовное дело.

Требует изменения ч. 3 ст. 8.1 УПК РФ, в части «внепроцессуальных обращений» поступивших судьям. Мы пришли к выводу, что данная норма имеет чисто декларативный характер и не несет практической направленности в обеспечении независимости судей. И хотя мы не смогли найти официальной статистики по применению ч. 3 ст. 8.1 УПК РФ в части «внепроцессуальных обращений», трудно представить, что такие обращения имеют массовый характер и действительно являются препятствием для коррупционных действий. Полагаем, что независимость судей может и должна обеспечиваться другими правовыми средствами, например, процедурой получения статуса судьи и процедурами осуществления правосудия.

В международном правотворчестве право на свободу всегда объединяется с правом на личную неприкосновенность. Право на свободу – это особое право, которое понимается как защита от применения физической изоляции. Однако на уровне уголовно-процессуального законодательства, право на свободу и личную неприкосновенность нашло лишь частичное закрепление, через признание исключительно личной неприкосновенности в статье 10 Уголовно-процессуального кодекса РФ. При этом в соответствии с

частью 1 обозначенной статьи, никто не может быть задержан по подозрению в преступлении или арестован в отсутствие оснований, предусмотренных законом, а решение о применении задержания на срок, свыше 48 часов вправе принять только суд, речь идет именно о праве на свободу. Что касается принципа неприкосновенности личности, то он частично раскрывается в части третьей данной статьи: «Лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью». Однако и это положение не раскрывает в полной мере содержание личной неприкосновенности. Если обратиться к международным актам, то очевидно, что право на личную неприкосновенность распространяется на всех участников, а не только на тех, которые находятся под стражей.

Полагаем, отсутствие в УПК РФ положения, закрепляющего право каждого на свободу - существенное упущение законодателя, которое должно быть исправлено. Уголовно-процессуальный кодекс РФ должен однозначно гарантировать каждому право на свободу, понимая под этим особый правовой режим, исключающий любые формы физической изоляции человека, за исключением тех, которые предусмотрены Конституцией РФ.

В качестве разумных сроков следует понимать сроки, которые объективно необходимы для решения задач уголовного судопроизводства, при условии своевременного и качественного исполнения органами расследования и судами возложенных на них полномочий. Никакие обстоятельства, связанные с деятельностью органов предварительного расследования, прокуратуры или суда не могут являться основанием для увеличения сроков уголовного судопроизводства. Вместе с тем полагаем разумным установить максимально предельные сроки осуществления предварительного расследования и судебного разбирательства, чтобы для всех участников судопроизводства действовал режим определенности. До

установления конкретных пределов по срокам осуществления различных процессуальных действий, положения ст. 6.1 УПК РФ будут иметь декларативный характер.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авдеева Е.В. Неприкосновенность личности в системе принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 32-39.
2. Азаренок Н.В. Определение понятия «назначение уголовного судопроизводства» в уголовно-процессуальной науке // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 6. С. 169-175.
3. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 29.06.2020 по делу N 66а-264/2020.
4. Барабаш А.С. О способе закрепления содержания принципа уголовного процесса, сфере его применения и его адресатах // Российский юридический журнал. 2018. № 3. С. 15-27.
5. Безруков С.С. Неразрешенные идеологические противоречия в соотношении назначения и принципов уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 12-17.
6. Брестер А.А. Начало уголовного процесса и его влияние на уголовно-процессуальную форму. Томск, 2013. 516 с.
7. Володина Л.М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 16-23.
8. Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства: монография / Н.И. Газетдинов. - Москва : Изд. группа «Юрист», 2007. 431 с.
9. Демичев А.А. Презумпция невиновности как принцип российского уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 72-81.
10. Зажицкий В.И. О направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ // Государство и право. 2004. № 4. С. 30.

11. Замечания общего порядка № 35 к Международному пакту о гражданских и политических правах // Комитет по правам человека, 14 декабря 2014 года
12. Коробейникова Е.С. Принципы уголовного процесса: понятие, назначение // Российский следователь. 2018. № 6. С.11-18.
13. Кругликов А.П., Бирюкова И.А. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного судопроизводства // Законность. 2019. № 2. С. 18-22.
14. Курченко В.Н. Толкование принципа непосредственности судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2019. № 6. С. 65-71.
15. Малышева Ю.В. Обоснованность российской практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте правовой позиции Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. 2017. N 8. С. 67-70.
16. Манова Н.С. Система принципов российского уголовного судопроизводства: достоинства и проблемы законодательного закрепления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 18-26.
17. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Выпуск 45. С. 564-593.
18. Мичурина О.В. О проблемах понимания неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 1. С. 97-100.
19. Николюк В.В. Феномен «мертвых» норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 2 (77). С. 19-25.

20. Овчинников Ю.Г. К вопросу о недопустимости расширительного толкования принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 54-61.

21. Определение № 18-УД20-23. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2020). Пункт 33. Утвержден Президиумом ВС РФ 23 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

22. Определение № 39-УД20-2-К1 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2020). Пункт 35. Утвержден Президиумом ВС РФ 23 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

23. Определение № 57-УД20-4 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2020). Пункт 36. Утвержден Президиумом ВС РФ 23 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

24. Определение № 83-УД20-1 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020). Пункт 52. Утвержден Президиумом ВС РФ 22 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

25. Определение № 49-УД20-3 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020). Пункт 50. Утвержден Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

26. Определение № 18-АПУ19-29 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020). Пункт 47. Утвержден Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

27. Постановление ЕСПЧ № 48364/11 «Проскурников против Российской Федерации», вынесено и вступило в силу 1 сентября 2020 г. // Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных

свобод человека № 10 (2020). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

28. Постановление ЕСПЧ № 48105/17 «Борисов против Российской Федерации», вынесено и вступило в силу 9 июля 2019 г. // Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2020). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

29. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 N 6-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

32. Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 818 (1977) «О положении психически больных» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

33. Решение Верховного Суда РФ от 26.03.2020 N АКПИ20-78. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

34. Решение Верховного Суда РФ от 26.11.2020 N АКПИ20-847. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

35. Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 10-17.

36. Трефилов А.А. Система принципов в уголовном процессе Швейцарии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 170-192.

37. Федеральный закон № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30 апреля 2010 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

38. Цабрия Д.Т. Какой предусмотрен срок для разумного уголовного судопроизводства // Материал направлен письмом Прокуратуры г. Москвы от 10.04.2020 N 22-22-2020 для размещения в Справочной Правовой Системе КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2020).

39. Шелегов Ю.В. Всесторонность, полнота и объективность исследования дела в условиях измененного баланса состязательных и розыскных начал в отечественном уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 315-319.

40. Straub P., Weltert T. Art. 2 / Niggli M., Heer M., Wiprächtiger H. Schweizerischen Strafprozessordnung. Jugendstrafprozessordnung. Basel, 2010. S. 26–31.

41. Fiolka G.. Art. 6 / Niggli M., Heer M., Wiprächtiger H. Op. cit. S. 77